

НИКОЛАЙ СКИБА

ЕГЕРЬ.
СИСТЕМНЫЙ
ЗВЕРОЛОВ

Николай Скиба

Егеръ. Последний рывок. Книга 12

«Автор»

2026

Скиба Н.

Егерь. Последний рывок. Книга 12 / Н. Скиба — «Автор», 2026

Воздух пахнет хвоей, вокруг – июльская тайга. Я егерь, знающий её как свои пять пальцев, иду на кабана. А потом, бац выстрел и темнота. Очнулся, а мне семнадцать лет. И зовут теперь Максом. И вот я в слабом теле этого больного парнишки, которого местные сторонятся. На моих руках – красные татуировки зверолова. Мне нужно поймать своего первого питомца, выжить и помочь семье. Освоиться в этом сумасшедшем мире. В мире, где люди прячутся за шаткими стенами, борясь за выживание, а леса полны магических тварей. Я научусь быть Звероловом и использую все свои знания. С моим опытом и «Звериным Кодексом» это не составит труда. Потому что лес – он везде одинаковый, его просто нужно читать. А это я умею лучше всего.

© Скиба Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Николай Скиба

Егерь. Последний рывок. Книга 12

Глава 1

Три месяца назад...

Дворец Короля Алариха.

Железноград.

Изольда не спала уже четвёртую ночь подряд.

Хотя очень хотела. Хотела отчаянно, до слёз, до того момента, когда начинаешь смотреть на подушку как на единственное спасение в этом мире.

Просто, как только она закрывала глаза, за висками снова начинало пульсировать это тупое давление, которое не отпускало её ни днём, ни ночью. Врачи называли это мигренью.

Но королева называла это наказанием. За что? Она старалась об этом не думать.

Покои королевы выходили окнами на южный двор, и по утрам туда доносился звон учебных мечей из казармы. Раньше этот звук её успокаивал. Теперь каждый удар металла о металл отзывался в черепе прицельным толчком.

Она сидела у окна в тяжёлом кресле, прямая, как того требовал этикет, хотя сейчас это казалось ей жестокостью. За окном серело ноябрьское утро. Железноград просыпался — огромный, живой, но такой равнодушный город. Он жил своей жизнью и совершенно не заботился о том, что у королевы снова раскалывается голова.

Никто не заботился.

— Ваше Величество, — тихо произнесла служанка Мила, появившись в дверях. — Завтрак готов.

— Убери.

— Но лекарь сказал, что нельзя принимать настойку на пустой желудок...

— Убери, я сказала.

Мила исчезла без звука — за три года службы научилась читать голос королевы по единственной интонации.

Изольда потёрла пальцами висок и закрыла глаза. Перед внутренним взором немедленно всплыло вчерашний день. Аларих в малом зале, расхаживающий от стены к стене. Советники, застывшие с каменными лицами. Доклад о деревне на Севере — о каком-то Звероморе, который якобы уничтожил Раскол и теперь сидит в лесу с ордой магических зверей. Аларих говорил об этом человеке тихо, почти шёпотом, что было куда страшнее крика. И ему не нравилось, что этот «Максим» взял у барона Красногорского какую-то гарантию.

Когда муж говорил тихо — все замирали.

Изольда не знала, чего бояться больше — этого северного чудовища или того, что Аларих сделает с кем-нибудь ещё, если ему покажется, что тот слишком долго молчал или слишком быстро заговорил.

Паранойя мужа за последний год разрослась до таких размеров, что Изольда иногда ловила себя на мысли... А не заразна ли она? Не начала ли она сама озираясь на собственных служанок?

Давление за глазами усилилось. Изольда стиснула подлокотники кресла.

В дверь снова поскреблись.

— Ваше Величество, — осторожно заговорила Мила. — Прошу прощения. Но вы вчера изволили спросить про швею из Нижнего города. Про ту, о которой рассказывала Агнета.

Изольда медленно открыла глаза.

Агнета. Старшая горничная, женщина с каменным лицом и железными нервами, которая за двадцать лет службы не позволила себе ни одного лишнего слова. Три дня назад она вошла в покои с каким-то особенным выражением. Вовсе не радостным, нет, скорее озадаченным — и сказала, что была у швеи в Нижнем городе по личному делу. И пока та снимала мерки, у неё прошла боль в спине, которая мучила её восемь лет.

Агнета никогда не верила в знахарей и шептунов. Королева прекрасно знала, что её служанка за здравый смысл. И вот эта самая Агнета стояла и говорила про боль, которая прошла от прикосновений швеи?

Изольда тогда ничего не ответила, но вечером, когда давление за висками стало совсем невыносимым, она всё-таки спросила Милу, как найти эту женщину.

— Она пришла? — спросила Изольда.

— Внизу ждёт, Ваше Величество. С помощницами. Я велела обыскать — всё чисто, только иглы и ткани.

— Пусть поднимаются. И проследи, чтобы никто не входил.

Зара тихо вошла.

Изольда ожидала чего угодно — яркой юбки, развязных манер, запаха паршивых трав или дешёвых духов.

Королева вскинула бровь.

Потому что вместо всего этого в дверях появилась невысокая молодая женщина в тёмном, хорошо пошитом платье. Лицо было спокойным, руки сложены перед собой. За ней — три помощницы с корзинами тканей и инструментов.

Зара присела в правильном, дворцовом реверансе — такому не учат портних из Нижнего города.

— Ваше Величество. Я рада, что вы нашли время.

Голос у неё был негромким, без заискивания и подобострастия. Просто человек, пришедший делать свою работу.

Изольда смотрела на неё из кресла, не двигаясь.

Помощницы расставляли корзины у стены. Изольда наблюдала за ними краем взгляда — и что-то почти неощутимое, кольнуло её под рёбрами.

Девушки двигались слишком слаженно. Одна подала булавки — вторая уже держала ткань. Третья развернула мерную ленту прежде, чем Зара успела протянуть руку.

Как единый организм.

Изольда чуть сощурилась.

— Вы давно работаете вместе? — спросила она.

Зара мягко улыбнулась.

— С одной из них, Даной, мы познакомились здесь, в столице. У неё замечательный ребёнок. Мы работаем достаточно долго, чтобы понимать друг друга без слов. Это удобно — не отвлекает клиентов лишним шумом.

Что ж, разумно. Изольда убрала мысль в сторону, потому что ответ ей понравился.

— Агнета говорила, что вы шьёте на заказ.

— Шью. Но сначала мне нужно понять, что именно нужно шить. — Зара подошла ближе. — Позвольте снять мерки, Ваше Величество?

Изольда встала с кресла.

Мерная лента профессионально легла на плечи. Зара работала быстро и при этом совершенно без давления. Точные, спокойные движения.

В этот момент что-то произошло.

Королева даже не сразу поняла, что именно. Просто в какой-то момент осознала, что та головная боль, которая не отпускала её четыре дня — отступила.

А потом исчезла.

Она моргнула.

Тишина в голове стала такой внезапной, что Изольда пошатнулась. Она не помнила, когда последний раз её голова была просто — тихой.

— Вам нехорошо? — мягко спросила Зара, не отрывая от неё взгляда.

— Нет, — Изольда сглотнула. — Напротив.

Зара продолжала работать — с каждым прикосновением лёгкость в голове королевы становилась устойчивее. Как будто кто-то осторожно вынимал из неё что-то тяжёлое.

— У вас красивая осанка, — сказала швея негромко. — Но вы держите плечи так, словно ждёте удара.

Изольда промолчала.

— Это утомляет, — продолжила швея, не поднимая глаз. — Когда постоянно ждёшь.

— А вы много знаете о том, чего ждут королевы?

— Я много знаю о том, чего ждут женщины, — мягко поправила Зара. — Это не зависит от титула.

Изольда взглянула на неё, но швея не смотрела в ответ — только вела пальцем по мерной ленте, что-то отмечая в маленькой книжице. Спокойно и сосредоточенно. Совершенно не пытаясь произвести впечатление.

И именно это отсутствие попытки позволило королеве заговорить.

— Мне снятся плохие сны, — сказала Изольда. — Уже несколько недель.

— О чём?

— О том, что всё рушится. — Королева замолчала. Потом добавила: — Муж... он стал другим. Он везде видит измену. Советников, которым доверял двадцать лет, теперь вызывает на допросы. На прошлой неделе велел арестовать одного из Звероловов пятого ранга — и всё потому что его зверь показался ему подозрительным. Драконоборец единственный, кого муж никак не трогает. Но я подозреваю, в этом виновата его связь с тем мальчишкой...

Зара просто слушала, продолжая работать. И это молчание почему-то было таким приятным...

— Да, ох уж этот... Будь он проклят, этот Зверомор, — Изольда почувствовала, как слова сами идут наружу — будто вода через прорванную плотину. — Аларих постоянно говорит о нём. Я не знаю, что он собирается делать. Я не знаю, что будет, если он ошибётся. Мальчик нас не трогает, но муж переживает, словно помешался...

Она остановилась и прикусила губу.

— Простите. Это не ваше дело.

— Всё, что вы мне говорите, остаётся здесь, — просто сказала Зара. — Я швея. Мне платят за молчание так же, как за стежки.

Изольда почувствовала, как что-то в груди слегка отпустило. Как будто кто-то вынул занозу, которую она уже не замечала, потому что привыкла к боли.

Лёгкость разговора вскружила королеве голову.

Зара сделала последнюю отметку в книжице и аккуратно свернула мерную ленту.

— Я пришлю первую примерку через неделю, — сказала она. — Если Ваше Величество позволит.

— Позволю, — сказала Изольда.

Помощницы ушли первыми. Зара задержалась у порога, чтобы ещё раз присесть в реверансе, и Изольда поймала себя на том, что смотрит на неё иначе.

Голова не болела.

Это было настолько неправдоподобно, что королева несколько раз осторожно повернула шею — что боль вернётся, поджидает за каким-нибудь резким движением, но...

Нет!

— Подождите, — сказала она прежде, чем успела подумать.

Зара остановилась.

Изольда сделала несколько шагов к окну, собираясь с мыслями.

— Вы ведь шьёте не только для двора? — спросила она, не оборачиваясь.

— Нет, Ваше Величество. У меня много клиентов в городе.

— Из каких кругов?

Наступила небольшая пауза — будто Зара обдумывала, как ответить точнее.

— Разных. — Она чуть склонила голову. — Начальник Северной заставы — его жена заказывала плащ к зиме. Пекарь с Медной улицы — его дочери нужно было платье к помолвке. Несколько стражников из ночной смены. Прачки, кузнецы, торговцы... Я не выбираю клиентов по положению.

Изольда наконец обернулась.

Зара стояла у двери — всё такая же спокойная, с руками, сложенными перед собой.

— Это необычно, — сказала Изольда. — Большинство мастериц, получив заказ от двора, перестают брать простую работу.

— Простая работа кормит лучше, — сказала Зара с лёгкой улыбкой. — А кроме того... люди рассказывают разное. — Она чуть пожала плечом. — Начальник заставы жаловался на спину. Пекарь на сына, который пьёт. Стражник с ночной смены не спал трое суток и почти плакал. Я просто слушала. Это не требует усилий, а людям иногда нужно, чтобы кто-то слушал.

Изольда задумалась.

Что-то в этом списке было... Она не могла поймать мысль. Начальник заставы. Пекарь. Стражники. Прачки. Люди, которые держали в руках ключи, хлеб, оружие и городское бельё. Без которых огромный живой организм столицы не смог бы выжить.

Но мысль опять ускользнула. Голове было слишком легко, чтобы цепляться за такие вещи.

Изольда почувствовала острое нежелание отпускать это пришедшее спокойствие. Четыре дня она не спала, нормально не ела, сидела в этом кресле и ждала чуда. А теперь это спокойствие уйдёт, как только уйдёт эта женщина?

— Оставайтесь при дворе, — сказала Изольда.

Зара подняла на неё внимательный взгляд.

— Ваше Величество?

— В качестве моей личной швеи. — Королева вдруг поняла, что говорит быстрее, чем обычно позволяла себе. — Вам выделяют комнату в западном крыле. Жалование, само собой. Вы сможете продолжать брать городские заказы, если хотите — я не буду возражать.

Зара медленно наклонила голову.

— Это большая честь, Ваше Величество.

— Так вы согласны?

— Да, — ответила девушка и кивнула.

Она сделала к Изольде маленький шаг. Её пальцы легко, почти невесомо коснулись виска королевы — поправить выбившуюся прядь, не больше.

Прикосновение длилось долю секунды.

Королева почувствовала приятное тепло — как от горячего чая в дождливый день. Она почти не заметила этого касания — оно было таким мягким, как будто так было всегда. Родное... Прекрасное.

Зара же в этот момент сделала едва заметный вдох.

Если бы у королевы было чутьё Зверомора, она бы увидела, как от её виска к пальцам швеи тянутся тонкие грязные нити.

Чужая паника, боль и липкая паранойя вливались в Паучиху, сладким нектаром оседая в голодном ядре паразита.

Сухой сыто заворчал. Он аккуратно выкачивал из королевы стресс, выедавая волю, чтобы на освободившееся место вскоре заложить нужные ему мысли. Гнездо оказалось идеальным.

— Тогда до следующей недели, Ваше Величество, — сказала Зара и присела в финальном реверансе.

Изольда кивнула, и дверь за швеей закрылась.

Королева постояла у окна ещё минуту, потом медленно вернулась в кресло и закрыла глаза.

Голова не болела.

Она даже не думала о том, что произошло — просто сидела в тишине.

И не слышала невидимой нити, которая теперь тянулась от её виска куда-то вглубь.

В западное крыло.

Три месяца назад.

Черноложье.

Марта нашла кость утром.

Она пришла в сарай за дровами — обычное дело. Взялась за поленья, и нога наступила на что-то скользкое. Женщина опустила взгляд.

Кость лежала в углу, за старой бочкой. Обглоданная дочиста, с мелкими бороздками от зубов, она была порвана по краям — там, где раньше было мясо.

Марта не закричала. Просто стояла и ошарашенно смотрела на неё, пока в голове не начали складываться все те вещи, о которых она старалась не думать вот уже несколько недель.

Земля под ногтями Бориса, когда он возвращался по ночам. Тот запах, который заставлял её отворачиваться, когда муж садился рядом.

Алёшкино исцеление, которому она так обрадовалась, что не стала задавать вопросов.

Пустые глаза за ужином.

То, как долго и неподвижно Борис смотрел на спящих детей. Усталость, конечно, он просто устал...

Дрова она так и не взяла.

Вернулась в избу, прикрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной. Сердце бешено колотилось. Она постояла так с минуту, потом оттолкнулась от двери и быстро начала собирать вещи. Времени нет.

ХВАТИТ!

Детские тулупы. Хлеб с полки. Нож. Сапоги сына, которые она починила на прошлой неделе.

— Мам? — Алёшка поднял голову с лавки. — Куда мы?

— К тётке Прасковье. Собирайся.

— Зачем?

— Собирайся, я сказала, — жёстко повторила она. — Настя, Егор, подъём.

Дочка сразу соскочила с печи — она всегда чувала материнский тон. Егор завозился, заныл что-то про «рано», но сестра уже потянула его за рукав.

Марта завязала узел, перекинула через плечо и взяла Алёшку за руку.

Открыла дверь...

Борис стоял во дворе.

Он стоял прямо напротив выхода, в нескольких шагах, и смотрел на жену, не двигаясь. Широкий и тяжёлый, сильный, как медведь, он просто смотрел.

Марта остановилась на пороге.

За столько лет вместе она научилась читать мужа по тому, как он держит голову, по тысяче мелких вещей, которые складываются в человека.

Борис всегда сутулился чуть влево, когда уставал, а когда злился — сжимал левый кулак. Когда расстраивался — тёр переносицу.

Сейчас он стоял прямо, с расслабленными руками и головой, которую держал прямо, как солдат.

Это был не Борис.

Её муж был где-то там, внутри, и она это видела по глазам. По тому, как задрожала жилка под левым глазом. Как пальцы на правой руке чуть согнулись и потянулись к Алёшке, которого хотели обнять.

Муж был там.

Плакал там, где-то внутри, и рвался к ней и детям.

Но тело не двигалось.

Марта крепче сжала руку Алёшки.

Борис смотрел на сына, и в этом взгляде было что-то, от чего у неё похолодело внутри. Какой-то скользкий расчёт, как у торговца, который смотрит на товар. Или это взгляд мясника, рассматривающего тушу на убой?

Губы Бориса чуть дёрнулись.

Марта глубоко вдохнула.

И шагнула вперёд.

Муж не двинулся с места. Просто смотрел, как она ведёт детей мимо него.

— Папа! Мам, мы куда? — Алёшка захныкал.

Марта не оглядывалась. Она знала, что если оглянется — не уйдёт. Останется, начнёт говорить, уговаривать и плакать. Попытается достучаться до того мужчины, которого любила.

Она вышла за ворота.

Снег под ногами закрипел. Алёшка уже замолчал — понял, что сейчас не время. Настя всхлипнула один раз и замолчала. Егор тихо шёл рядом, прижавшись к сестре. Он совсем ничего не понимал.

Марта не оглянулась.

Она шла и думала о том, что двадцать лет — это очень много. Что у неё есть трое детей, и это её счастье. Что тётка Прасковья живёт не так уж и далеко, и там есть печь, и там безопасно.

И что тот Борис, который тёр переносицу, когда расстраивался — возможно, в последний раз смог удержать тварь на цепи. А может, всё было куда страшнее.

Эта тварь... Кем же он стал?

Может этот чужеродный разум внутри мужа просто... Подумал? Зачем тратить энергию на погоню за кричащей женщиной, когда совсем недалеко, в мёрзлой земле, лежит тихое, доступное мясо? Этот пожиратель, кем бы он ни был — он позволил им уйти.

Марта дошла до поворота тракта и только тогда позволила себе заплакать, не останавливая шага. Вытерла лицо рукавом тулупа.

— Мам, ты плачешь, — тихо сказал Алёшка.

— Всё хорошо, — ответила она.

Деревня осталась за спиной.

В ту же ночь Борис пришёл на кладбище, когда луна стояла уже высоко.

Он шёл напрямик, не разбирая дороги. Снег скрипел под сапогами, ветер бил в лицо. Борис не замечал — он давно уже не замечал холода. Ощущения были частью другого мира, того, в котором жила Марта с детьми.

Они бросили его. Он видел, как она уходила, не оглядываясь.

Где-то глубоко, где ещё теплилось что-то человеческое, Борис был рад.

Пусть уходит.

Кладбище встретило его тишиной и запахом мёрзлой земли. Деревянные кресты стояли косыми рядами — Борис шёл между ними, не глядя под ноги, потому что знал, куда идёт.

У восточной ограды нашёлся свежий холм.

Похоронили три дня назад — Захар умер от горячки. Земля над ним ещё не успела промёрзнуть.

Борис опустил на колени.

Руки легко вошли в мёрзлую землю — нечеловеческие пальцы раздвигали комья, как лопата. Он копал без остановок, земля летела в стороны чёрными кусками. Ногти сломались на третьем-четвёртом движении, но он даже не почувствовал.

Он ударил кулаком.

БАХ!

Гробовая крышка треснула.

И тогда человеческая оболочка стала не нужна — потому что больше ни за что не держалась.

Позвоночник сломался. С мокрым хрустом, как ломается сырая ветка. Борис запрокинулся назад, выгибаясь дугой, и между лопаток, раздирая рубаху, вспух горб. Кожа длинным разрывом лопнула по хребту, и из-под неё пошла чёрная слизь, исходящая паром на морозном воздухе.

Борис не кричал — он уже не мог.

Челюсть поехала вниз с сухим скрежетом суставов. Человеческие зубы выпали в снег — как пуговицы с порванной нитки. На их месте из дёсен полезло что-то новое — кривые, жёлтые, неровные клыки. Нижняя челюсть выдвинулась вперёд, деформируя лицо в звериную морду.

Карие глаза Бориса — те, которые Марта знала двадцать лет — закатились и навсегда погасли.

Генерал Гулей поднял голову.

Он стоял над разрытой могилой и несколько секунд просто дышал, привыкая к новому телу. Мышцы под порванной кожей уплотнялись, переплетаясь в новые узлы.

Горб между лопаток дёрнулся и осел, принимая постоянную форму. Пальцы удлинились, суставы вздулись.

Снег вокруг него таял.

Он слышал шаги раньше, чем его успели увидеть.

Могильщик Трофим бежал с фонарём в одной руке и вилами в другой. За ним — двое мужиков с деревни, тоже с вилами. Но вилы против того, что стояло над разрытой могилой — это всё равно что тыкать палкой в реку, чтобы остановить паводок.

Гуль не двинулся с места.

Он ждал, пока они приблизятся. Смотрел на троих людей с тем же холодным расчётом, с которым смотрел утром на Алёшку.

Подойдут ли они... Для семян?

Трофим увидел его в свете фонаря и споткнулся. Фонарь качнулся, тени прыгнули по крестам.

— Мать моя, — выдохнул могильщик.

Генерал прыгнул.

Слишком быстро, слишком далеко для тела такого веса. Он сбил Трофима с ног одним движением, вышиб вилы из рук второго мужика, третьего опрокинул плечом. Никто не успел ударить. Вскрикнуть.

Все трое лежали в снегу.

Трофим попытался встать, но гуль наступил ему на грудь, прижимая к земле.

Он раскрыл пасть.

Из глотки поднялись чёрные сгустки, медленно плывущие в воздухе. Один завис над лицом Трофима. Могильщик захрипел, зажимая рот руками, но пальцы разошлись сами — будто невидимая сила разжала их.

Сгусток вошёл в горло.

Генерал повернулся к остальным. Те уже не пытались бежать — лежали и смотрели вверх остекленевшими глазами, не понимая, что происходит.

Ещё два сгустка отделились от него и нашли своих хозяев.

Трофим забился в судорогах. Его тело выгнулось, затылок ударил в мёрзлую землю. Второй мужик перекатился на бок, скребя пальцами снег. Третий дёрнулся и затих — а потом начал двигаться снова, но уже по-другому.

Все трое встали на четвереньки.

В их глазах появился мутный жёлтый свет. Они смотрели на Генерала снизу вверх и ждали.

Генерал Гулей поднял морду к луне.

Первородный рык вышел из него, как из земных недр — такой, от которого задрожали кресты, а снег осыпался с деревянных перекладин.

Трое новообращённых разом его подхватили.

Четыре пасти, запрокинутые к луне.

— Бр-а-а-ат, — слышался скрежет в голове гуля. — Он убива-а-ает. Чуй меня...

Тенежор погиб, но успел.

Голова Генерала резко, по-птичьи, дёрнулась — раздался отвратительный, мясной скрежет.

Глаза смотрели в сторону деревни — туда, где находился Спектр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.